

- Сторож! сколько ночи?..
- Приближается утро, но еще ночь.
Ис. 21: 11-12

Введение

«Когда пришла полнота времени, послал Бог Сына Своего...»

Перед каждым, кто задумывается над этими словами, неизбежно встают два вопроса: почему подготовка к явлению Христа потребовала стольких веков и что имел в виду апостол Павел, говоря о «полноте времени»?

Прежде, когда история человечества казалась сравнительно недолгой, первый вопрос редко затрагивал читателей Библии. Но с тех пор, как было установлено, что люди возникли на земле около пятидесяти тысяч лет назад, «промедление» Избавителя представляется поистине загадочным.

Пусть нам не дано до конца проникнуть в тайны божественных замыслов, но нельзя ли найти в самой истории духа объяснение тому факту, что хронологическая дистанция, отделявшая первых людей от Богочеловека, была столь огромной? Мир услышал Благоую Весть в «последние дни», то есть на исходе этого необозримого периода; а это значит, что на всем его протяжении род человеческий еще не был готов встретить Воплощенного лицом к лицу.

Мы уже не раз обращались к этой проблеме*. Остается лишь вкратце подытожить сказанное ранее.

Обитатель пещер палеолита или земледелец, живший на заре цивилизации, по своей природе мало чем отличались от современников новозаветных со-

* См. «Истоки религии», «Магизм и Единобожие».

бытий; но следует помнить, что характер доисторической и раннеисторической культур всецело определялся мировоззрением *магизма*.

Это мировоззрение можно считать прямым следствием той болезни духа, которую принято называть первородным грехом человечества.

Обладая свободой, неся на себе печать Творца, человек — образ Его и подобие — призван был возрастать, поднимаясь ко все более полному единению с Сущим. Однако уже с первых шагов своего существования он предпочел ориентироваться на силы, разлитые в природе, которые он ощущал как сверхъестественные. Мало того, люди захотели подчинить себе эти силы, «быть, как боги», независимо от Творца достигнуть внешнего господства над окружающим миром. Грехопадение, отдалив человека от Бога, привело к утрате или к ослаблению многих заложенных в нем возможностей. Сама природа обрела для него двоящийся лик грозной Кормилицы — Врага, за которым скрывались сонмы нечеловеческих существ. Первобытные люди искали у них помощи в охоте, сражениях, земледелии. В результате возникла магия с ее неисчислимыми обрядами, табу и церемониями, целью которых было повлиять на духов и демонов или обуздать их враждебность. Страх перед неведомыми силами парализовал людей, но в то же время они рассчитывали отстоять себя, прибегая к ритуалам. Так, в ложном самоутверждении, в желании «стать, как Бог», человек обрел лишь оковы.

Постепенно сложился взгляд на священнодействия как неотъемлемую часть природного целого, необходимую и людям и богам. Вселенную стали воспринимать как единственный из возможных миров, лишенный перспективы коренного переустройства.

Ритуализм питался навязчивыми невротами психики и в свою очередь порождал новые, на сотни веков заорожив сознание людей. Он создавал стойкие, освященные культом иерархические общества, подчинен-

ные жестким канонам. Он сказался не только на социальном порядке и религии, но и на искусстве и промыслах, где одни и те же приемы и традиции упорно поддерживались многими поколениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить историю древней керамики и орудий.

Магизм почти не оставлял места творческому порыву личности. Оспаривать коллективные представления значило ставить под угрозу незыблемый строй общества и природы. Разумеется, даже в этих условиях отдельные гении порой пробивались сквозь темную пелену табу и мифов, но в целом духовный рост человечества оказался надолго заторможенным. Люди сами избрали для себя темницу.

И все же магизм не смог сломить человека, который изначально призван быть венцом творения. Застывшая лава начала плавиться. Вулкан пробудился. Первые симптомы этого стали заметны около 2000 года до н. э. в развитых городских цивилизациях Ближнего и Дальнего Востока; но настоящее восстание против рабства природе и традиции, против институтов и верований, построенных на магической основе, произошло лишь в I тысячелетии до н. э. Мы имеем в виду проповедь великих *Учителей человечества**.

На фоне старых ритуальных культур переворот этот представляется каким-то чудом, таинственным посещением из иного мира. Пошатнув тысячелетние устои, пророки, философы и основатели религий дали народам мощный импульс, который, подобно расходящимся по воде кругам, захватил почти все цивилизованные страны.

Это и было событие, подготовившее «полноту времени», когда сознание людей созрело для принятия Евангелия.

* Им были посвящены книги: «У врат молчания», «Дионис, Логос, Судьба», «Вестники Царства Божия».

Были созданы прототипы всех мировоззрений, существующих вплоть до наших дней; в рамках человеческих возможностей были даны основные ответы на важнейшие вопросы жизни и мысли. Совершился поворот от политеизма к единому Богу, хотя понятие о Нем в разных учениях было неодинаково.

Новый характер приобрела и сама религиозность. Вместо своекорыстной магии явилось мистическое созерцание и доверие к благодати Божества. Индия и Греция искали путей к Нему через экстаз, умозрение и отрешенность, Иран и Израиль — через волевою и сердечную преданность Творцу.

Абсолютная ценность земных благ была поставлена под сомнение или полностью отвергнута. Порой (как, например, в Индии) это проявлялось в яростной борьбе против всего плотского и чувственного. Превыше всего ставились духовное просветление и мир, даруемые единением с Высшим.

Большинство Учителей пересмотрело веру в космическую роль обрядов и сделало основой религиозного служения сферу *нравственности*.

Тем не менее магизм полностью преодолен не был (жив он и поныне). В частности, уцелела идея о круговом движении Вселенной и истории. Только израильтяне и персы впервые увидели в истории путь вперед и ввысь к божественной Цели.

Выходу новых учений за пределы породивших их стран помогло возникновение больших держав — Македонской, Маурийской, Римской. Они облегчили культурный обмен нациям, дотоле жившим изолированно. Не случайно идея «человечества» утвердилась именно в эту эпоху, эпоху *эллинизма*, о которой и пойдет речь в настоящей книге.

Когда армия Александра прокладывала в Азии дороги, связавшие Европу с дальними землями, эра Учителей осталась позади. Отныне Индия не увидит уже человека, равного Будде, не родится второй Заратустра

или Сократ. Завершился путь классической метафизики греков и израильского пророчества. Эллинистический мир становится той средой, где наследие реформаторов вступает в стадию распространения. Это пора эллинистов, популяризаторов, миссионеров. Но именно в процессе усвоения мировых религий и философских доктрин обнаруживаются их слабости, что приводит к разочарованию и реакции.

Эллинизм в значительной мере есть эпоха кризиса, отмеченная пессимизмом и скепсисом. Неудовлетворенные люди все чаще находят прибежище в старине. Оживают архаические культы и суеверия. С особой остротой переживается беспощадная власть Судьбы.

Но это вовсе не означало, что мир снова вернулся к магизму. Великая одиссея духа продолжалась. Новая волна религиозных исканий свидетельствует, что в человеке не угасла жажда истины, свободы и спасения.

Принесет же их миру Тот, Кто сказал: «Я — Путь, Истина и Жизнь».

ЧАСТЬ I
БУДДИЗМ,
ЙОГА
И ИНДУИЗМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ашока. Триумф и кризис буддизма в Индии

Империя Маурьев, 325–180 гг. до н. э.

Легко проповедовать нравственность,
труднее ее обосновать.

А. Шопенгауэр

Есть в истории моменты, которые можно обозначить двумя словами: торжество духа. Таким моментом, бесспорно, был расцвет буддизма в Индии при царе Ашоке.

В ту эпоху бури, потрясавшие Европу и Ближний Восток, докатились до Индостана. Александр Македонский вступил в Пенджаб и нанес поражение радже Пору. Только бунт, поднятый солдатами, принудил неутомимого завоевателя повернуть назад*.

Если верить Плутарху, великий западный полководец произвел большое впечатление на молодого офицера-индийца Андракотта, который после встречи с ним сказал, что Александру ничего не стоит покорить всю страну, лишенную прочного единства¹. Этот Андракотт был не кто иной, как *Чандрагупта Маурья*, ставший основателем новой династии и создателем самой большой империи, которую дотоле знала Индия.

Вскоре после ухода Александра Чандрагупта сверг старого царя Магадхи и в 321 году изгнал греческие гарнизоны из Пенджаба. Быть может, вдохновляясь примером македонца, он поставил себе задачу объединить множество областей и племен в единую индийскую монархию.

* См. «Дионис, Логос, Судьба», гл. 25.

В 305 году один из преемников Александра, Селевк Никатор, попытался повторить его поход к берегам Инда, но на этот раз он столкнулся с сильной державой, о покорении которой не приходилось более мечтать. Между соперниками был заключен мир, и по его условиям царству Маурьев отошел почти весь Афганистан. Утверждают, что союз греков и индийцев даже закрепили браком Чандрагупты с дочерью Селевка.

С тех пор начался период сравнительно частых и продолжительных контактов Востока с Западом. Греческий посол Мегасфен посетил столицу Маурьев Паталипутру и впервые познакомил европейцев с загадочным миром Индии. Многие в ней восхитило его, кое-что показалось странным. Он описывал демократический характер индийского двора, высокие добродетели народа, рассказывал о праздниках и старинных обычаях, которые ему пришлось наблюдать. Его поражало, что крестьяне могут спокойно трудиться на полях, когда по соседству идет битва. Приезжали в Индию и другие греки. Сын Чандрагупты даже выписал к себе западного философа.

Из-за скудости индийских источников по истории этого времени свидетельства греков имеют большое значение для понимания эпохи Маурьев. В частности, Мегасфен и географ Страбон касались верований индийцев и отмечали, что их философы «во многих случаях согласны с эллинами»².

Из сообщений греческих писателей можно заключить, что при первых двух маурийских царях буддизм еще не заявил о себе по-настоящему и был сектой, не настолько известной, чтобы ее заметили иностранцы. Мегасфен и Страбон рассказывают о брахманах и отшельниках, но о Сангхе молчат. Сохранилось предание, что Чандрагупта был последователем джайнизма. Если же, как полагают, трактат о политике «Артхашастра» был составлен советником Чандрагупты Каутильей, то, очевидно, буддизм в то время еще не попал в поле зре-

ния даже многих просвещенных индийцев. Каутилья говорит о трех «Ведах», а из даршан, философских школ, у него упомянуты лишь санхья, йога и локаята³.

Положение изменилось при внуке Чандрагупты, *Ашоке Приядарши (272–232)**. На первых порах царствования он проявил себя как человек суровый и даже жестокий. Легенда утверждает, что, добываясь трона, он умертвил своих сводных братьев и без колебаний казнил неугодных людей. Во время войны с восточным княжеством Калинги Ашока перебил более ста тысяч людей и угнал в плен сто пятьдесят тысяч. Рассказывали, что пленных он подвергал страшным пыткам и посылал на каторжные работы.

Все эти зверства стали наконец тяготить самого Ашоку. По преданию, мужество некоего монаха-буддиста, попавшего в царские застенки, пробудило в императоре угрызения совести и способствовало коренной перемене как характера, так и политики Ашоки⁴.

Около 264 года царь принял буддизм, и последующие годы его правления вписали в историю страницу, которая никогда не перестанет вызывать удивление.

С того дня, когда верный Ананда закрыл глаза старцу Гаутаме, минуло уже более двухсот лет. Орден, созданный им, значительно разросся. Бхикшу, монахи в желтых рясах, почти оставили прежний бродячий образ жизни и селились в постоянных обителях, разбросанных по всей стране Магадхе. Они были далеки от мира и от мысли воздействовать на общественную жизнь, но приток в Сангху новых людей, и особенно *упасаков*, мирян, поставил перед ней множество трудных проблем. Возникли новые направления буддизма, которые расширили его границы и сделали его влиятельной духовной силой Индии.

Обратившись к Будде, Дхамме и Сангхе, Ашока торжественно объявил, что он потрясен горем людей,

* По другой (палийской) транскрипции — Асока Пиядаси.

пострадавших от войны, и что расправы, подобные последней войне, никогда больше не повторятся. Оставшиеся в живых обитатели Калинги отныне станут предметом его постоянных милостей⁵.

Заявление Ашоки не было пустой декларацией. Он искренне и серьезно отнесся к этическим требованиям Дхаммы и сделал их исполнение целью своего царствования.

Что же могло привлечь Ашоку к новой вере? Разумеется, монах Упагупта, который, как говорят, обратил его, не посвящая царя в тонкости умозрений и аскетических правил. Буддийская легенда, сохраненная у Даранаты, рассказывает о смущении простого бхикшу, который должен был говорить перед царем об учении Будды. Не будучи знатоком доктрины, он терялся в догадках, какими словами воздействовать на сердце монарха. Наконец, когда настало время, он, обращаясь к Ашоке, торжественно произнес: «Великий царь! Если сама земля со всеми горами подвергнется разрушению, то что и говорить о твоём царствовании! Великий царь! Стоит об этом подумать». И эти простые слова произвели глубокое впечатление на Ашоку.

Даже если это предание достоверно, вряд ли только мысль о бренности мира могла вдохновить царя. Скорее всего, Ашоку пленил нравственный облик Гаутамы и красота буддийской жизненной мудрости.

Что должно делать узревшему благо,
Тому, кто ступил на стезю покоя?
Он должен быть сильным, прямым и честным,
Сдержанным в речи, негордым, кротким,

Всегда довольным и недерзким,
Нетребовательным, несуетливым,
Благоразумным и спокойным,
Нежадным, довольствующимся немногим;

И он не должен делать такого,
Что мудрецы осудить могли бы.
Пусть будут в радости и покое,
Пусть все существа счастливыми будут!⁶

Эти или подобные им изречения, которые монахи знали наизусть, вероятно, слышал и Ашока. Странно только, как они могли тронуть человека, запятнавшего себя насилием и кровью. Очевидно, Ашока был натурой необыкновенной, способной к настоящему перерождению, ибо, приняв буддийский закон, он поистине стал новым человеком.

Из сохранившихся эдиктов Ашоки, которые он приказывал высекать на колоннах и скалах, видно, что в Дхамме ему ближе всего была ее моральная сторона. Мы нигде не находим у него упоминаний о Нирване и других догматах буддийской метафизики. Он глубоко верил в посмертное воздаяние за добро и зло. Об осуждении Гаутамай жизни как таковой он не говорит ни слова, но, напротив, стремится сделать ее мирной и прекрасной. По его убеждению, человек должен посеять добро и радость в этой жизни, чтобы пожать их после смерти⁷.

Буддизм зародился как монашеская религия личного спасения — царь Приядарши превратил его в действительное орудие преобразования общества. И достигнуть этого он стремился *без насилия*, исключительно путем проповеди и убеждения. Он повсюду рассылал учителей, которым вменял в обязанность насаждать добродетельную жизнь. Этой же цели служили его указы. «Дхамма прекрасна, — гласит один из них. — Но что такое Дхамма? Безгрешны многие дела: милосердие, щедрость, правда, чистота». В другом эдикте эта мысль повторяется: «Прекрасно послушание родителям. Прекрасна щедрость к друзьям, родным и знакомым, брахманам и бхикшу. Прекрасно неубиение живых существ. Прекрасно воздержание от расточительности и скупоности»⁸.

Большое внимание уделял император реформе суда; он установил строгий контроль за действиями чиновников на местах, настаивал на гуманном отношении к слугам и невольникам. Он требовал, чтобы ему сообщали о делах в любое время, не боясь оторвать его

от работы и отдыха. Пекся Ашока и о здоровье граждан: насаждал рощи, строил лазареты, приказал вырыть множество новых колодцев. Главной своей задачей и задачей своих сподвижников Ашока считал «обеспечение счастья в этом и том мире»⁹. Даже животные вошли в круг его забот.

Сам Будда тоже нередко говорил о сострадании ко всем существам, но его цели очень далеки от того, что явилось идеалом его царственного последователя. В центре учения Гаутамы стояло освобождение от бытия, которое рисовалось ему безнадежно обреченным прозябать в скорбях и зле. Ашока же заимствовал у Гаутамы только то, что было понятно и близко ему самому и что могло оздоровить и облагородить жизнь подданных империи.

Ашока отменил потерявшие смысл церемонии и праздники и ввел такие, какие смогли бы укрепить добрые нравы. Он поощрял паломничества и благочестивые собрания, чтит места, связанные с жизнью Будды. Говорят, по его повелению соорудили 84 тысячи ступ, хранивших реликвии Совершенного¹⁰.

Однако буддизм не превратился при Ашоке в государственную религию, а стал религией государя, что далеко не одно и то же. Существенное сходство большинства индийских верований позволило царю проводить политику широкой веротерпимости.

«Царь Приядарши, милый богам, — провозглашает он, — почитает все секты странствующих отшельников, мирских людей даяниями и другими способами. Но милый богам не так ценит даяния и поклонения, как (видит главное) в развитии основных принципов учений всех сект... Пусть почитается и чужая секта при каждом случае. Если делают так, то развивают свою секту и помогают также чужой. Если поступают наоборот, то разрушают свою секту и вредят чужой... Приядарши, милый богам, желает, чтобы все учения могли повсюду обосновываться беспрепятственно. Ибо все они стремятся к обузданию чувств и к чистой жизни. Одни уче-

ния хотят осуществлять все полностью — другие лишь отчасти»¹¹.

Ашока поддерживал и одаривал джайнистов, брахманов и сторонников многих религиозных толков, хотя самого себя считал последователем Будды. В Рупнатском эдикте он прямо называет себя членом Сангхи. Единственной мерой, отразившейся на старых культах, был запрет убоя животных, который нанес удар кровавым жертвоприношениям. Но принцип ахимсы, то есть отказ причинять вред всему живому, был уже давно знаком Индии и прививался без труда.

Царствование императора-буддиста — явление почти неправдоподобное, исключительное во всей мировой истории. Своим примером он показал, какой силой могут стать религиозно-нравственные принципы, принятые всерьез и реализованные в жизни общества.

Ашока не довольствовался тем, что рассылал эмиссаров в границах своих владений. Он положил начало всемирному буддийскому миссионерству. Ему хотелось, чтобы свет добра, который озарил его самого, как можно шире распространился по земле. В одном из эдиктов Ашока призывает своих потомков оставить мысли о завоеваниях. «Пусть они не думают, что завоевание мечом заслуживает имени завоевателя, а видят в нем бедствие и насилие. Пусть они считают истинными завоеваниями лишь завоевания Дхаммы. Такие завоевания имеют значение для всего мира»¹².

Некоторые историки, пытаясь опорочить намерения Ашоки, усматривают здесь попытку под видом религии распространить политическое влияние Маурьев. Но если в этой гипотезе и может содержаться доля истины, то все же нет никаких оснований подозревать Ашоку в неискренности проповеднического рвения¹³.

Обширные международные связи позволили царю отправить учителей в самые отдаленные земли. Они обошли не только Южную Индию, Ланку, Кашмир, Бирму, Таиланд, Среднюю Азию, но побывали и в Афинах, Македонии, в селевкидских монархиях Египта и Си-

рии¹⁴. Замечательно, что среди апостолов буддизма был азиатский грек, принявший имя Дхаммаракхиты. Через сто лет после Ашоки греческий царь Менандр, или Милинда, стал ревностным буддистом, одним из праведников, прославляемых Сангхой.

Надо заметить, что философские учения, господствовавшие в то время в западном мире, были весьма созвучны индийским. Уже Мегасфен заметил их сходство с платонизмом. Несомненно, близка к буддизму доктрина Пиррона и особенно стоиков. Их возвышенная, героическая этика и космополитизм во многом совпадали с буддийскими взглядами. Ведущие умы Греции после Аристотеля, в том числе и Эпикур, уделяли, как и Будда, большое внимание вопросам морали*.

Тем не менее буддизм не смог пустить на Западе прочных корней. Он продолжал распространяться и развиваться преимущественно в восточноазиатских странах. Лишь теософские системы гностиков и неопифагорейцев, зародившиеся на рубеже новой эры, свидетельствуют о том, что контакты с Индией не прошли для греков бесследно.

Хотя Будда желал, чтобы его учение приняло как можно большее число людей, Сангха, будучи монашеским орденом, по самой своей природе не была предназначена насаждать популярную религию. Когда же началось массовое обращение в буддизм, оно не могло породить многочисленных трудностей, связанных и с вопросом об отношении Сангхи к мирянам, и с монашеской дисциплиной, и с различными сторонами вероучения.

«Все, что сказано Господом Буддой, — прекрасно», — провозглашал Ашока¹⁵. С этим были согласны все монахи и миряне, но сложность заключалась в том, что сам Гаутама не оставил своим последователям ни строчки. Сутры передавались из поколения в поколение изустно, и большинство их было записано века

* См. ниже, гл. V-VII.

спустя после смерти Гаутамы. Вероятно, Будда сознательно отказался от письменного изложения Дхаммы, ибо, подобно Пифагору, Конфуцию и другим великим Учителям, не поощрял склонность людей к обожествлению буквы, что может ослабить живой и творческий дух учения (вспомним, что и Христос проповедовал лишь устно).

Будда был вообще противником формального авторитета. Одно из его предсмертных изречений гласило:

Теперь или после моей кончины
Кто сам будет светить себе,
Сам будет охранять себя,
Не прибегая ни к какому внешнему убежищу,
Но свет найдя в Дхамме,
Убежище себе найдя в Дхамме
И нигде не ища иного убежища, —
Тот среди учеников моих
Достигнет высочайшей вершины!¹⁶

Последователи редко бывают в состоянии вместить всю глубину провозвестия учителя; каждая из школ выделяет какую-либо сторону его доктрины. Так случилось и с буддизмом, когда он стал перерастать из ордена и секты в мировую религию.

Проповедуя отречение, Будда, однако, не одобрял крайностей аскетизма, культивировавшихся брахманскими мунни. За это ухватились те монахи, которые хотели смягчить требования устава. Другие же во главе с братом Гаутамы, Девадаттой, ополчились против любых послаблений. Вскоре после кончины Будды полемика вокруг его правил переросла в острые конфликты, которые омрачали жизнь Сангхи в течение десятиков лет.

Легенда повествует, что еще около 470 года бхикшу собрались в пещере у Раджагрихи и под руководством Кашьяпы, самого ученого из последователей Будды, утвердили главные пункты устава Общины. Сведения об этом I буддийском соборе вызывают у историков

Мень А., прот.

М 51 На пороге Нового Завета / прот. Александр Мень. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 800 с.

ISBN 978-5-389-22970-9

Протоиерей Александр Мень — выдающийся деятель Русской православной церкви, проповедник, богослов, проповедитель, автор десятков книг по истории религии, основам христианского вероучения, православному богослужению.

Книга «На пороге Нового Завета» впервые была издана в 1983 году в Брюсселе и только через десять лет вышла в свет на родине автора. В ней Александр Мень обращается к истории духовных поисков человечества до христианской эры, в доступной для читателей форме повествуя о греческих скептиках и отшельниках, римских стойках, мистиках и мудрецах Индии и Израиля — о разных путях и этапах развития религиозной веры; последний раздел книги посвящен преддверию явления Спасителя — это мир будущих апостолов и евангелистов. Этот труд протоиерея Александра Мень и сегодня не утратил своей актуальности.

УДК 27
ББК 86.37

Литературно-художественное издание

ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ МЕНЬ
НА ПОРОГЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Бобкова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать 26.04.2023. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 42.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака КоЛибри®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к.25
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CHM-31916-01-R